

Я там, где я хочу быть. И она там,
где я хочу быть. Потому что я —
Источник.

Медальон сновидений

Глава 1

(Imazee — November Rain)

Этот дом, стоящий в нескольких километрах от города, был отделен от последнего района лесами, полями и бескрайними просторами. И этим нравился мне чрезвычайно. Здесь, стоило бросить взгляд поверх светлого ранчо-забора, мирно качались цветы и некошеные травы. Вечерами они пахли так, что хотелось утонуть в соцветии ароматов, замереть и подолгу лежать в лугах под звездами.

Сейчас неторопливо менял оттенки задумчивый закат, плыл над решеткой гриля, где жарилось мясо, дымок. Роберт умело крутил шипящие куски, поглядывал на стол, где уже ждали закуски, алкоголь, — проверял, все ли хорошо. Он был своего рода перфекционистом, любил, когда все идеально, правильно, стабильно для настроения и души. И сам старался быть идеальным — в первую очередь для меня.

Улыбался, комфортно поддев под талию новую подружку Кейт, Алан — мой напарник. Кейт не отличалась ни глубиной, ни интеллектом, но спортивный, идеально выглядящий Алан никогда этого в женщинах не искал, предпочитал лег-

кость, ненавязчивость. Качались у крыльца дикие амаранты, я специально просила Роберта не скашивать полевые цветы. Пусть даже растущие так близко, пусть даже сорняки.

Вечерний теплый ветер; колыбель лета. Чуть глубже делался на горизонте цвет облаков, завтра возможен дождь.

Через пять минут мясо дожарится, мы сядем за стол, заведем разговор, будем сыпать шутками, последними сплетнями, делиться мыслями о важном и ни о чем. В такие моменты, чувствуя касание собственных локонов к щекам, паря в невесомости, я ощущала, что почти счастлива. Почти.

Было бы не «почти», если бы не надорванная часть ткани души, но с этим ничего не поделать, не излечить. Отсюда примесь легкой тоски, пустоты, некой незавершенности бытия. Мне иногда казалось, что этот контраст делает краски моей реальности шире, уводя восприятие за горизонт.

В момент мелькнувшей печали поймал мой взгляд Роберт, улыбнулся, выдавая поддержку — «все будет хорошо, моя милая Анна, я здесь». Он здесь. Но я не совсем. Я ни с кем не буду совсем, потому что он — не моя истинная пара, потому что с тем, кто ей являлся, я вместе не буду никогда. Роковой поворот судьбы. Роб уловил посыл между строк, погрузился, вновь повернулся к грилю. Он желал стать для меня всем: опорой, надеждой, плечом. Часто немо просил — *сделайся чуть мягче, чуть податливее, и я воспряну как мужчина, покажусь себе и, быть может, тебе*

сильным, дерзким. Правда заключалась в том, что сильной из нас двоих являлась я — нимфа.

Я — Анна. Самая сильная из ныне живущих аккумулятивных нимф, живительная батарея. На вид обычная девушка двадцати семи лет, на деле не столько человек, сколько смесь человека и «явления», пра-пра-правнучка забытого ныне божества из древних легенд. В моей власти видеть мир в нескольких спектральных восприятиях, чувствовать истинные желания людей, целить тех, кто нуждается в восстановлении. Если только их души не были повреждены деймонами, как и моя собственная.

Что ж, мне не на что жаловаться — вокруг осталось много счастья.

На Кейт короткая юбка — ей повезло, что комаров не было. Быть может, их пока отгонял дым. Бросил на меня внимательный взгляд Алан — качок с усиками, которые я столько раз просила его сбрить. Как можно, имея модельную внешность и столь развитую мускулатуру, любить шорты, старомодные рубашки и эти дурацкие асексуальные усики?

Смешливый Алан — на деле серьезный трансморф — маг, способный принимать любую форму органических объектов (иногда неорганических тоже), — никогда на мои замечания не велся. И сейчас приподнял бровь, вопрошая: «Как тебе вечеринка?».

«Скучно, — прочитал он в моем взгляде. — Хорошо, душевно. И скучно».

«Не будь к нему так... жестока», — это он про Роба. Я и не думала. Просто негоже подгибать себя

под любую замочную скважину, куда фигурная резьба твоего собственного ключа без скрежета не проходит.

И все же хороший вечер. Вольные травы, покачивающийся флюгер на крыше в виде петуха, смотрящий сейчас клювом на восток. Если все пойдет по плану, то после мяса, пива и разговоров мы с Робертом посидим в обнимку, посмотрим сериал, переместимся в спальню. И я постараюсь быть мягкой, вновь дам ему и себе надежду на то, что у нас все хорошо, почти идеально.

Мое вечное «почти».

— Давайте, ребята, за стол! — Роб ловко перекладывал подрумяненное мясо на симпатичные веселые одноразовые тарелки с зеленой каймой. — Захватите кто-нибудь соус...

Просьбу выполнять бросилась услужливая блондинка Кейт.

И в этот момент у Алана пикнул телефон, приняв сообщение с двухнотным сигналом. Тут же нахмурился Роб, и неожиданно для себя воспрянула я.

— Из конторы?

Алан прочитал, кивнул.

— Да, нас ждет клиент.

Мы никогда не откладывали дела. Для пожаров существовало пожарное управление, для криминала — полиция. Но мы оба значились в Бюро магических расследований, и это означало: кроме нас тому, кто обращался, не мог больше помочь никто.

— Прости, — сообщила Робу, всеми силами скрывающему за вежливостью разочарование.

— Ничего, все в порядке...

Вечер был безнадежно испорчен для него, для Кейт. Только не для нас с Аланом.

— Оставлю для тебя куски теплыми, чтобы не разогреть.

— Не нужно, — качнула я головой мягко, — быть может, вернусь поздно.

— Хорошо. Уберу в холодильник... после полуночи.

Он больше не смотрел в мою сторону, хотя, дай я возможность, прожил бы со мной долгую счастливую жизнь. Статный, приятный лицом тридцатилетний инженер-химик, чем-то похожий на романтика и солиста поп-группы. Ему бы в руки гитару...

— Идем? — Алан кивнул на ворота, за которыми стояла моя машина.

Я не ответила, звякнула ключами.

(Rea Garvey — Hey Hey Hey)

За забором молниеносно влилась внутрь сдерживаемая до того сила. Яркие краски, мощь, дерзость — я шумно втянула носом воздух. Я снова могла быть собой — Анной. Настоящей, сильной, мягкой, шальной, местами жесткой.

Плюхнулась на сиденье своей спортивной машины; Алан привычно упал на пассажирское место, пристегнулся. Водила всегда я. Очень быстро, иногда нарушая правила там, где нужно и можно. Вот так это и случалось, когда начиналось новое дело — мы оставляли мир позади, рвали вперед. Робы, Кейти, Томы, Анжелики, Мартины, Лии —

все обращались в мутную какофонию неважных лиц, в хор неких людей за спиной. Мы забывали, чем они живут, чем дышат, до того момента, пока не наступало затишье, время выдохнуть. Вот тогда мы о них вспоминали.

— Пристегнулся?

Я спросила для проформы — он всегда пристегивался. На голову выше меня, но ощущающийся как пацан, которому всегда под тридцать, хотя Алану было больше сорока.

— Конечно.

И я рванула. Навстречу метнулась дорога — почти ударила в лицо от скорости. Все, свобода. Я обожала эти поля и эти закаты, кажется, больше, чем Роберта. Здесь всегда настолько сильно холила природа, настолько ощутимо качала в своем лоне, что дом, оставленный позади, стоило бы выкупить в свое пользование за любые деньги. Но у меня квартира в городе, в ней я бываю редко.

«Обожаю тебя», — слышалось от Алана. За эту дерзость, за скорость. Мне с ним было комфортно, как с братом, даже больше. За брата всегда переживаешь, а Алан — как продолжение моей руки. Машина набрала такую скорость, что уже качалась над дорогой, как люлька — пологие холмы, чудесная качка.

— Тебе нужен другой мужик, — не выдержал Алан. Он часто заводил эту песню, глядя на бедолагу Роба, на его попытки дотянуться до кого-то из другого мира. Но я и была из другого мира, я была нимфой.

— Такой, как ты? — Мы обсуждали это как минимум четырежды в неделю.

— Ну нет. Ты знаешь, я люблю... дам властных, очень раскрепощенных.

— Доминантных. — Я усмехнулась, никак не способная напиться насыщенным густым воздухом этого вечера. Хорошо, что откинута крыша, — ничто не мешает дальше единиться с природой и этим бесконечно красивым небом.

— Если только чуть-чуть. Между прочим, доминантного надо и тебе. Чтобы загибал иногда.

«Закручивал мои гайки» — да, Алан был прав. Не знал только главного — мне уже предназначен такой. И я никогда и ни за что к нему не подойду.

— Другому ты отгрызешь руки... — продолжал размышлять мой партнер, — по локоть откусишь.

Вот засранец. Вообще-то я красивая. Женственная, игривая, люблю флиртовать, внешность почти модельная — не придерешься.

— Я не об этом. — Мой усатый «брат» заранее загнул бровь: мол, не вздумай свои мысли озвучивать.

— Да иди тыю — Я улыбнулась и втопила педаль глубже; машина заурчала резвее. Мы понеслись в синеве вечера, обдуваемые поверх волос стрекотом сверчков, запахом медуниц и падающей на листья росы.

Зашуршала сбоку рубашка; Алан достал коричневые сигареты, которые любил, — поплыл сбоку вишневый дым. Я втянула его с удовольствием — вот она, наша идиллия.

— Кто там? Впереди. Не чувствуешь?

Иногда мы играли в это — «угадай заранее». Что за клиент, с каким делом пришел, о чем

попросит? Делали ставки; Алан, понятное дело, чаще проигрывал, но делал это исключительно с удовольствием.

— Не хочу отвлекаться.

«Слишком хорошо жить сейчас».

После он курил молча.

Глава 2

Я снова переключала мир. Как каналы от телевизора. Мир один — каналы разные; привычка брала верх. Первый — спектр радости, спокойствия, благополучия. Пока вокруг была природа — благодать можно было черпать ложкой, а вот с первым районом города она ощутимо гасла. И начинала преобладать вторая энергия — печали. Потому что люди желали хороших событий, и эти события наступали не всегда. Люди желали, и желания не сбывались. Отсюда досада, разочарование, грусть. Я привыкла, но в этом спектре надолго не задерживалась: он вползал в меня слишком быстро из-за невидимой бреши в груди. На третий спектральный анализ сместилась уже на полпути к Бюро, когда вокруг плыли дома, — канал магии. Там, где стоял наш автомобиль, демонов поблизости не ощущалось, их логово левее, на улице Кависа. Там «база». Клубился и сиял приглушенными цветами справа силуэт Алана — я привычно загораживала от него сознание, как от яркого света. Трансморфы всегда слепят, потому что сильны. И более ничего примечательного — люди, асфальт, машины, клумбы, бетон стен, стекло оконных проемов... Я не удержалась, переме-

стилась вниманием на Бюро, вползла невидимой змейкой в дверь и почти сразу сообщила:

— Нас ждет девушка. Молодая, не старше двадцати пяти. Не маг. Ставить будешь?

Алан лишь ворчливо крикнул:

— Не буду. В прошлом месяце ползарплаты тебе продул.

Вообще-то не ползарплаты, меньше, но иногда Ал любил демонстративно подуться, что не занимало больше минуты. К тому же зарплаты у нас были неплохими, хотя мы оба до сих пор гадали, кто же являлся владельцем Бюро. Ни один из нас его или ее никогда не видел. Платили и платили, оборудования и возможностей предоставляли достаточно — мы не лезли туда, куда не следовало.

— Сильно «тяжелая»? — Любопытство Алана пересилило.

— Скорее, встревоженная. Сама ничего не совершала, что-то увидела.

— Тем лучше.

До здания Бюро — неприметной на первый взгляд двери в доме, похожем на остальные, как близнец, — остался один квартал. И подумалось об особняке на природе, оставленном позади.

— Наверное, стоило добросить до города Кейти...

— Не стоило, — довольно резко и в то же время равнодушно отозвался Алан. — Твой обязательный и педантичный Роб вызовет ей такси, я уверен.

Вызовет, конечно.

На напарника я взглянула с ухмылкой и сразу поняла причину такого тона: свои со мной «идил-

лические» поездки на скорости он не хотел делить с другими. Третьими лицами. Они были нашими — он знал это тоже; я за это не винила, потому как тоже не любила чужих в машине.

Припарковалась у тротуара точно, как и всегда. Почти прогорел закат — в городе его и прекрасное небо загораживали дома. Пропустила Алана во входную дверь, какое-то время посто- яла на крыльце, привычно принюхиваясь, при- слушиваясь. Красиво, просторно, тягуче-сироп- но ощущался вечерний момент. И с ощущением красоты привычно вползла в сердце грусть, некая незавершенность. Жаль, что дыры от деймонов способны латать только деймоны. Любые иные, образовавшиеся на ткани души от разочарова- ний, бед, злости, можно было стянуть и залить радостью, — главное, найти верную, максимально правильную. Мой случай клинический: затянуть дыру хотелось, идти за этим к виновнику ее воз- никновения — нет. Цена будет неподъемной.

Я прервала созерцание окрестностей и тоже вошла в Бюро.

(Foxilitus — Space Cadet Slow)

Она встрепенулась, увидев нас. Девчонка лет двадцати двух, одетая скромно. Неброская оде- жда, такая же прическа из длинных, не знавших краски волос. Нервно сжались на сумке пальцы.

— Здравствуйте!

С Аланом она уже поздоровалась, тот до моего прихода погасил светящееся над кнопкой табло. Второе приветствие было адресовано мне.

Двери конторы оставались открытыми круглосуточно, даже если внутри не было персонала. Зато для таких вот поздних залетных клиентов, как эта девчонка, имелась заметная кнопка с текстом голограммы — «Нажмите, если нужна помощь». Посетитель нажимал, и текст менялся на тот, который сообщал, скоро ли придут сотрудники. Собственно, текст формировал Алан, когда получал звуковой сигнал о визитере, сам же решал, как быстро мы прибудем. Спасибо его рассудительности, никогда без лишней нужды не поднимал меня ночами, чаще в темное время суток выезжал сам.

Девчонке пришлось ждать всего сорок минут, не так долго, однако за это время ее нервозность не исчезла, но усилилась.

— Скажите, вы сможете помочь? — Она переводила взгляд то на меня, то на напарника. На его лицо, затем на рубашку и шорты — эти детали, вероятно, тоже казались несуразными вкупе с красивым, накачанным телом. Мне хотелось улыбаться. Ал кинул на меня чуть циничный взгляд-пику, но обратился к клиентке:

— Расскажите, что у вас случилось.

Тишина, заминка. Пока слова не прозвучали, я спросила:

— Может, воды, чаю? Сока?

У нас имелся бар, и в нем стояла тара с жидкостями покрепче, но русоволосая голова лишь качнулась — мне не надо, мол.

— Моя тетя, она не просыпается, — сообщили нам печально. — Она дома, да... Лучше я сначала, наверное. Понимаете, я два дня назад сообщила

ей, что приеду: я собралась поступать в институт, хотела пожить у нее несколько дней. Но ответа не получила. А сегодня прямо с автобусной станции направилась в ее квартиру, открыла своим ключом, благо он у меня есть, но... Она спит.

Мы с Алом переглянулись, и Алан озвучил мои мысли:

— Может, это не к нам? Быть может, ваша тетя просто устала? Сколько ей лет?

— Ей пятьдесят восемь... И я не думаю, что она устала. Я трясла ее, звала, даже... — смущение во взгляде, — чуть-чуть покричала... Думала, это поможет как будильник. Но нет.

— Тогда стоило обратиться к медикам? Проблемы со здоровьем?

Девчонка занервничала сильнее.

— Не нужно медиков. Моя тетя не просто спит, она занырнула в какой-то... кошмар. И сжимает в пальцах медальон, понимаете? Нехороший такой. От него по ее пальцам расползаются полосы. Я даже боялась поначалу к нему прикасаться, прямо вот отторжение, не поверите...

Вот на этих словах на меня подуло шлейфом очень сильной магии.

— ...Но потом пересилила себя, попробовала вырвать из ее пальцев эту штуку, но там просто намертво! Как тисками сжато. — Пауза, попытка клиентки не удариться в слезы. — Я не знаю, куда мне идти, где ночевать, я боюсь в одном доме с тетей... С этой штукой... Поэтому я нажала кнопку...

Незнакомка перевела взгляд на красную кнопку, на которую смотрела, вероятно, все сорок минут, пока ждала нас.

Стало ясно, что дело все-таки наше. Дистанционное наличие магии ощутил даже Алан и потому предложил девушке:

— Давайте сделаем так. Мы проводим вас в отель — у нас знакомый хозяин, он поселит вас со скидкой. Вы передадите нам ключ, сообщите адрес, и мы свяжемся с вами, когда у нас будут новости. Хорошо?

Ей некуда было деваться, ситуация безвыходная.

После непродолжительного копания в сумке нам протянули ровный и длинный, похожий на антикварный ключ.

* * *

Коричневая дверь, сплошь усыпанная завитушками, — высокая, старинная. Краска на декоре потрескалась, хотя ее обновляли. Ключ в руке держала я, но двигаться не двигалась; мы с Аланом «принюхивались». Иногда чрезвычайно опасно входить в помещение без предварительной ментальной проверки, а дым на «третьем канале» лез, или, лучше сказать, «вылезал» прямо из щелей. Зеленоватый, нездоровый. Девушка осталась в отеле — помощник Адама Грина, владельца гостиницы, забрал ее багаж, помог затащить вверх по лестнице.

— Хочешь... я трансформируюсь? — тихо спросил Алан. — Войду первым.

Я качнула головой.

— Не имеет смысла... — Я все еще по-волчьему присматривалась к помещению, переключая спектры. Внутри ощущался человек с минимумом

энергии, находящийся в отключке. И нечто... злое-
вещее. Но не агрессивное. — Оно... чем бы оно ни
являлось, влияет на нее. До нас ему дела нет.

— Это пока мы не вошли.

— Я так не думаю. — Вещь, которую я не ви-
дела пока воочию, питалась тем, к кому прицеп-
лялась. И жертву она уже нашла. — Спектраль-
ный анализ магии незнакомый, темный. Мне это
не нравится.

— А уж мне-то как...

Ал так и не передел ни свою радостную
светлую рубашку, ни шорты, и теперь в темном
проулке с гаснущим светом сумерек смотрел-
ся гостем, случайно заглянувшим с карнавала.
Не хватало лишь цветочной гирлянды вокруг
шеи.

— Ладно, я уверена, что на нас оно напрямую
не отреагирует.

— Значит, заходим.

Женщина, лежащая на коротком, довольно
неудобном для ее роста диване, казалась очень
бледной и очень старой. Лицо в морщинах, воло-
сы свисают сосульками. И да, незнакомка была
права, — медальон, сжатый пальцами, как самое
ценное сокровище мира, пульсировал и мерцал.
Он уже почти вживил себя под кожу, в вены.

Она не сумела его вытащить, а мы пока даже
не рисковали братья.

Ал, в глазах которого тоже отражалось зеле-
новатое свечение, поджал губы.

— Знаешь, что это?

Я пока лишь догадывалась.